

О МАРИНЕ Л. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

МАРИН Леонид Владимирович, родился в 1889 в Ковно. Получил среднее образование. С 1905 — проживал с родителями в Сибири, работал на поденных работах и сторожем. В 1910 — женился на Марии Семеновне Мариной, поселился в Омске, в 1914 — работал писарем, окончил школу прапорщиков и отправлен на Румынский фронт, где был контужен. В 1918 — мобилизован в армию Колчака; в 1919 — отправлен на Тобольский фронт, сбежал и выехал к жене в Красноярск, работал в учреждении, в середине 1920-х — бухгалтером в сельскохозяйственной коммуне Гигант. В 1931 — выехал на лечение в Кисловодск, затем — в Смоленск, работал бухгалтером. 28 июня 1932 — арестован в Смоленске по групповому делу, обвинялся в шпионаже и вредительстве. 14 августа 1933 — приговорен к 10 годам ИТЛ¹ и отправлен в Сиблаг.

МАРИНА Мария Семеновна, родилась в 1890-х. Получила начальное образование. В 1910 — вышла замуж за Леонида Владимировича Марина, проживала в Омске, работала на поденных работах. С 1914 — проживала в Омске, работала кухаркой, с 1918 — проживала в Красноярской области, занималась сельскохозяйственными работами. В 1931 — выехала с мужем на лечение в Кисловодск, затем — в Смоленск. С августа 1933 — проживала в Днепропетровске, работала курьером на электростанции. В декабре 1933 — просила помощи у Екатерины Павловны Пешковой.

<29 декабря 1933>

«Екатерине Павловне Пешковой

Гр<ажданки>ки Мариной
Марии Семеновны, проживающей
в гор<оде> Днепропетровске,
Чернышевского ул<ица>, д<ом> 23

Прежде чем приступить к изложению своей просьбы, я считаю необходимым вкратце познакомить Вас с нашей, т<о> е<сть> моей и мужа, Марина Леонида Владимировича, автобиографией.

Муж мой, сын бедного канцелярского служащего, который в 1905 г<оду>, скрываясь от преследований царской охранки, должен был с семьей удрать в Сибирь.

Попав в Сибирь, он и жена его, под давлением моральных переживаний, начали пить, пропивая все, что только можно было, сын их, т<о> е<сть> мой муж, которому в то время было 16 лет, должен был бросить учение и начать работать. Работал он и рабочим, и сторожем, пройдя все этапы этой в то время тяжелой жизни. Я лично дочь рабочего, отец мой был рабочий кишечник, воспитания я тоже никакого не получила, а жила в семье, помогая работать отцу.

В 1910 г<оду> я, познакомившись с мужем, вышла за него замуж, но так как в семье мужа жить было нельзя, потому что кроме водки, окружающей тебя, больше ничего не видели, мы ушли с мужем жить самостоятельно. Муж получал в то время 25 р<ублей> в месяц. Жили мы в то время перебиваясь, как говорят, с хлеба на квас. В это время застаёт нас империалистическая война, и мужа мобилизовали. Некоторое время, оттягивая поездку на фронт, он устроился писарем, а когда нельзя было больше оставаться писарем, чтобы еще оттянуть поездку на фронт, ушел в школу прапорщиков. Жили мы в то время в гор<оде> Омске. В конечном результате он был отправлен на румынский фронт, я осталась одна и

¹ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

переехала к своим родителям. В 1918 году мужу удалось, как контуженному, вернуться с фронта и, не поправившись еще совершенно от контузии, он опять мобилизуется и попадает в лапы к Колчаку. Я осталась тогда совершенно одна, так как родители мои уехали в Россию. Жила у знакомых, где за получаемую квартиру я выполняла, если можно сказать, роль кухарки. В 1919 г<оду> их эвакуируют, вместе с ними я тоже уехала в гор<од> Красногорск. Муж был отправлен на Тобольский фронт, но, не доехав, их часть была разбита партизанским отрядом, а в то время уже началось отступление, и муж, бросив все, уехал тоже в Красноярск, где и нашел меня. В 1920 г<оду>, проболев тифом и пройдя ряд всевозможных регистраций, он поступил на службу. Работая в ряде учреждений и зарабатывая довольно прилично, мы с этого времени начали жить, как говорится, по-человечески. У меня родилась дочь, украсив нашу жизнь еще дополнительной радостью. Так мы прожили до 1931 г<ода>. Муж работал в то время бухгалтером с<ельско>х<озяйственной> коммуны "Гигант" им<ени> Сиб<ирского> крайкома ВКП (б) в Красноярской обл<асти>. Живя в деревне, мы смогли сэкономить немного денег и, страдая пороком сердца как я, так и муж, решили выехать в Кисловодск полечиться, т<о> е<сть> совершить поездку, которая ранее нам и во сне не могла присниться. Приехав в 1931 г<оду> в Кисловодск, мы прожили там месяц, но, так как деньги были все израсходованы, мужу нужно было куда-нибудь устроиться на службу. Встретив в Кисловодске знакомого из Красноярска, который с семьей тоже лечился в Кисловодске, уговорил нас поехать в Смоленск и устроиться где-либо на службу, рисуя Западную область в хороших красках, <в смысле> бытовых условий. Мы поехали туда, муж устроился в Смоленске в отделении тракторцентра бухгалтером-инспектором. Зажили опять снова хорошо, но климат Запада на мое здоровье и здоровье мужа плохо отразился и проработав 10 месяцев, вынужден был просить перевода опять в Сибирь. Этот перевод он получил, и накануне отъезда, когда были сложены и упакованы все пожитки, мужа моего 28 июня 1932 г<ода> ОГПУ арестовал, и по постановлению Коллегии ПП ОГПУ Западной обл<асти> от 14 августа 1933 г<ода> по обвинению по ст<атье> 58 п<ункты> 4, 6, 7 и 11 был осужден на 10 лет труд<овых> исправ<ительных> лагерей, в заключение он отправлен в Новосибирск и содержится в 8-м отделении Сиблага ОГПУ. За время ареста моего мужа, т<о> е<сть> с июля 1932 г<ода>, так как материально мы не были обеспечены, и, во-вторых, не имея никакой специальности, что бы куда-нибудь поступить, а, в-третьих, больная, я для поддержки себя и ребенка продала все, что было у меня, включая и постельное белье и платье, этого, понятно, не хватило на жизнь, и жила я с ребенком впроголодь, босая и раздетая. В августе 1933 г<ода> я с дочерью переехала в Днепропетровск, где у меня там живет брат, рабочий на электростанции, понятно, дать мне поддержку материально он не может, и я поступила курьершей на Днепропетр<овскую> электрост<анцию> и получила зарплату 65 р<ублей> в м<еся>ц. Дочь учится в 6 группе.

Убитая несчастьем мужа, мучаясь болезнью и невозможностью прокормить и одеть с получаемой зарплатой себя и ребенка, я обращаюсь к Вам, как к женщине, которая скорее поймет то горе и несчастье, <какое> переживаю я с ребенком, а также и мой муж. Зная мужа своего хорошо, зная его взгляды, зная его всю жизнь, так как между мной и им секретов никаких никогда не было, зная его любовь к ребенку, его единственную отраду в жизни, я никогда не допускаю мысли даже, чтобы он пошел на какое-нибудь преступление, чтобы он стал врагом Советской власти, которая нам в жизни так много дала, дала ту жизнь, о которой раньше мы никогда не могли даже и подумать. Те обвинения, которые к нему были

предъявлены, те страшные обвинения, как шпионаж, связь с мировой буржуазией (нужно сказать, которую он в душе ненавидит), вредительство в работе своей и т<ому> п<одобное>. Я по своему женскому инстинкту не допускаю действительности этого преступления. Мы, женщины, зная хорошо своих близких, и как более чувствительны по натуре, безошибочно заключаем то, что могло быть и что не могло быть. В данном случае мой внутренний голос мне подсказывает, что преступления в действительности муж мой против своего же пролетариата совершить никогда никакого не мог бы, что здесь что-то не то, не попал ли он случайно в волну какого-то процесса, которая его захлестнула, придавила и увлекла по своему течению. Если даже рассматривать мужа чисто с социального положения, то, действительно, несмотря на его пролетарское происхождение, есть на нем пятно, это служба офицером в царской армии, а также и у Колчака. Но чем же он виноват, если был мобилизован, как многие другие десятки тысяч людей? Прямого активного участия против рабочего класса не принимал, в карательных отрядах не участвовал, так неужели велико его преступление в этом? Неужели оно не смылось его добросовестной работой в течение 16 лет работы в Советских учреждениях. Нужно отметить, что он имеет от ряда учреждений отзывы о работе, состоял ударником и был несколько раз премирован. Даже и сейчас, находясь в заключении, он все время состоит ударником. Это одно уже говорит за его отношение к рабочему классу не как врага, а как человека, идущего в ногу с пролетариатом и отдающего все на дело строительства социализма. Нужно отметить и то, что, благодаря полученной контузии, муж мой страдает человекобоязнью.

Обращаюсь к Вам с данной просьбой, молю придти на помощь мне к освобождению мужа и отца к ребенку.

Не допускаю мысли, чтобы в нашей Республике девизом было бы только наказать человека и заставить его мучиться, мучиться семье его безвинно, не стараясь детализировать факты преступления и выявления действительности виновности. Еще раз беру на себя смелость сказать и уверить Вас, что муж мой ни в чем не виноват. Если же на все последует отказ, прошу хотя не отказать дать возможность жить вместе с мужем, сократив хотя срок ему наказания, а, в крайнем случае, прошу заключить и меня с ребенком в один лагерь с ним.

Просительница.

29-го декабря 1933 г<ода>.

гор<од> Днепропетровск, Чернышевского ул<ица>, 23, кв. 2»².

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1149. С. 10-12. Автограф.